

Хильда Бирка
Колтун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хильда Бирка

Колтун

«Автор»

2026

Бирка Х.

Колтун / Х. Бирка — «Автор», 2026

Про метафизическое на прицел. Психоделический поток сознания во всей красе. И в целом на потеху про непутёвого наяна. Текст поделён на 2 части: классическую повествовательную и на метаироническую. Вроде неплохо вышло.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Хильда Бирка

Колтун

Глава

ГЛАВА I — Ипостась с ересью неродимой

«Червоточина в моей экспозиции будет злопамятная, уж вам-то это будет очевидно, да и некому больше такого ведать, кроме как вам.

Домишко мой такой же меркантильный, как и я сам, ощущается стервозность от самой сущности бытия, разве что на улице слышится ее отсутствие, потому что и я там отсутствую, а присутствовать там мне, как какому-то приставу уличному, положено не обязательно, никто мне этого не наказывал.

Ладно-с, я ведь, прежде всего, не студент даже, а простой старшеклассник, если точнее, 11-классник, но пережил нечто похлеще натягивания совы на глобус, если воспринимать фразеологизм буквально.

Вот те на, только то ведь случилось мне, воодушевлением тешится, чего уж я так себя грабастать начинаю, позволены ли таки изречения, что со мной приключается, что я пишу вообще-с, ладно, постараюсь разъяснить вам все по полочкам.

Чувствую себя отвратно, чего уж там, и физиономия косится, голова раскалывается, грудь волнуется, тремор не отпускает.

Тревогу теперь ощущаю физически своей натурой, она уже подступает, она уже как ком в горле и нож в спине, так внезапно она меня подловила.

Сейчас еще тот же день, вторник, стало быть, да вот только припозднилось, вечер, а состояние-не ахти.

Ощуаю себя точь-в-точь по-Достоевски, хорошо хоть без эйфории от эпилепсии, и на том боже правый.

Посумересничать наедине с собой — где выше голов идей.

Где моя керосиновая лампа?

Школа старая, деревенская, в ней нет ничего, кроме атмосферы забытья и учителей советской закалки. Какие-то условия тюремные, толку то, если только не арестантские здесь личности, а те, что должны быть светочами знания?

— ”Циммерманнов, ты почему вчера не пришёл? Вчера была контрольная работа по русскому!», лепетала своим, исконно нежным, но получившим эту «серьезную нотку» в своем голосе, Копперфильдовна Марья, педагог высшей категории, как ее смеют называть в цивилизованном обществе.

— Понимаете, у меня очень непростая жизненная ситуация...

— Довольно! Ты что себе такое позволяешь, м?

Смеешь с учителем пререкаться?

Больше ни слова я тогда не проронил, уж извините, не смею держать свой дух в состоянии уравновешенном, когда такие люди на повестке дня.

Меня обсуждали мои одноклассники, знающие о моем темном секрете, о котором они черт знает как узнали:

«Он ухаживал за одной умиротворенной, но незнакомой старушкой в ветхом имении, просто из альтруизма и собственной страсти к заботе о ближнем.

Однажды, в очередной раз к ней завернувшись, она начала рассказывать о тяготах своей жизни, попутно выплакивая последние слёзы, которые шли через боль.

Он не выдержал ее эмоций и решил уйти, тем более, время поджимало, а последняя начала его расспрашивать, мол: "Чего так рано, никого ведь кроме тебя у меня нет."

Уже сам он не держался в себе, уходил еле ногами перебирая, а старушка поспешила за ним, но споткнулась и обрушилась на холодный и твердый бетон.

Тогда ей было 78 лет отроду, но на том теперешний ее рассказ окончился. “

— Говорили они, шушукаясь так противно, что моя к ним неприязнь чувствовалась глазами.

Черт побери того, кто меня посадил в эту, не соизволите ли поверить, каторгу с этими индивидами!

Так и просидел Циммерманнов в школе весь день, стараясь абстрагироваться от социума в своих идеях.

Стоит отметить его облик.

Парень он долговязый, жилистый, но костлявый до невозможности, лицо у него характерное, глаза утопленные, словно ими он внутрь самого себя глядит на досуге. Больше нечего сказать, слишком он личность, так скажем, противительная.

Он не разрабатывал теорию о той старушонке, что весьма удивительно, зная его натуру, тянущуюся к чему-нибудь тяготящему и ранимому. Так ли вы считаете, что он не реализован в своем понимании лишь от своих метафизических прений?

На следующий день он, собираясь идти, зацепился за мысль о чем-то декадентском, ну, знаете, что-то такое, о чем даже думать стыдно, не то, что воплощать в реальность.

А он ее все не отпускает, вот идет, и только и делает, что бурчит под нос какие-то изречения, напоминающие какое-то воскрешение Лазаря.

— "О, привет, это ты тот самый парень, который за бабушкой ухаживал, а она потом... ну, в общем, того?", остановила меня какая-то девушка, явно дожидаясь однозначного ответа.

— А тебе на кой это знать, милостивая вы наша?

— Ну, тебя учительница по истории звала, Дарина Немедикова, помнишь ее, она на линейке была и говорила о «великом краеведении», ха-ха, ну?

— И что она от меня требует?

— А я откуда знаю? Она сказала тебе передать и все, больше я ничегошеньки не знаю, сам к ней топай, раз такой занудный.

Да вот как же они мне противны, боже упаси! Только дай им повод вплесть что-то язвительное, словно людям это как потребность в чем-то физиологическом, такая же дико желаемая и неконтролируемая.

Прошел я по коридору в поисках этой «Дарины», и заметил какую-то женщину, даже скорее девушку, очень молодую, только выпустившуюся из женского педагогического университета, собою прекрасная, высокая и статная, видимо, довольно благородная, или таковой себя считающая.

— Здравья вам желаю, это вы Дарина Немедикова, что меня требовать изволила?

Я присел напротив неё, на высокий и узорчатый стул, словно мне она его нарочно приготовила. Даже забавно немного, знаете ли, как Наполеон сидеть, только за делом маленьким.

Кабинет был похож на какую-то коробку, квадратный и зашторенный, но очень чистый и приятный, в нем витает аромат цейлонского чая наряду с запахом макулатуры и бюрократии.

— А ты, видимо, Савелий Циммерманов? Я тебя требовала за неимением иных кандидатов на одно важное дело, позволишь мне тебе его поручить?

Она ко мне приблизилась, словно собираясь рассказать нечто уму непостижимое, даже как-то слишком для такой мелочной просьбы с ее стороны. Она разве всегда была такая, или я себя уже не помню?

— Ну-ка, ну-ка, что это за штука? Не тяните, бога ради, я не силком сотканный!

— На днях, я думаю, ты слышал, у нас был случай с Елизаветой Амальевной, но, понимаешь, ее дом — это такой раритет, что ты просто не представляешь! Он еще со времен русской колонизации стоит, еще Петра Первого видел, а можешь подумать, что там вокруг него может скрываться, а?

— Немедикова, вы чего так залепетали? Я то согласен, да вот вам-то какой от того прок? Хотите какие-нибудь артефакты прикарманить?

— Ну Савельюшка, ну нет конечно, я за другим говорю! Прошу тебя, как женщина, напиши очерк о том месте, как ты умеешь, ну правда, ты ведь у меня такой умничка.

Здесь Дарина слегка коснулась его предплечья, как бы желая какой-то реакции от него, и желая произвести впечатление хорошее.

— Стало быть, мне придется, раз уж вы так настаиваете, а я личность склонная к удачным переговорам, ну-с, какие у нас сроки?

— Циммерманнов, понимаете, у вас остался один день, уже завтра должна быть сдача работы, извините меня за непунктуальность, только очень прошу, не затягивайтесь там надолго, просто быстренько напишите и сразу несите, там ведь, если хотите знать...

Дарина опасно приблизилась к моему уху, собираясь что-то нашептать на ухо. Я обворожился такой инициативой.

— ...там ходят люди, которые, знаете, самих себя убивают!

На этом моменте я не испугался, нет, я уже давно это подозревал по подозрительным следам на деревьях, но признание этого сделало мне впечатление несколько умопомрачительное.

Я ничего ей не сказал, не осмелился, молча ушел, напоследок ей лишь кивнув. Она посмотрела, словно хотела еще что-то сказать, но я уже захлопнул дверь и ее желание за ней.

Только меня не покидало какое-то щекотливое жжение внутри, оно появлялось каждый раз, когда я видел эту прекрасную особу, а это значит что-то превосходное и высокое.

Неужели любовь?

На улице сумерки несусветные, атмосфера готическая, но при этом завораживающая взор на звездном небе.

Циммерманнов пошел к дому Елизаветы Амальевны, прихватив по дороге керосиновую лампу из дому, другого у него и нет святилища, живет-то он бедно, сирота он, только старшая сестра у него, да и та уже давно его не видела, потому Савелий ни на кого не надеется излишне.

Он поставил лампу на пень аккурат у забора Амальевны, достал ручку да блокнот, но его приготовления нарушили какие-то дребезжащие и гортанные звуки прямо во дворе покойной старушки, на противоположной стороне забора.

Приподнял он над головой лампу, только не удержал ее под натиском увиденного и она грохнулась на пенёк.

Удерживаемая она отныне не сознанием.

Смертник вешался, уже шею хотел запустить в петлю, только оглядывался напоследок, наслаждался романтичностью его фатализма.

— Ээй, идиот, ты что творишь, жить те надоело что-ли?

Смертник взглянул на Циммерманнова, его окинул с головы до ног сверху вниз (он ведь на высоте виселицы, потому и было ему соизволено такую возможность занять) и пробормотал что-то о «Высшей цели», вновь голову вытаращил, в петлю себя пихал, но Савелий перерезал верёвку своим перочинным ножом, который всегда с собой носит, как он говорит, ради безопасности, но кто его знает, зачем тогда он такой острый.

— ”Ты-ы, ты кто-о вообще так-кой, а? Шо ты мне тут чешешь?», сердито прервал свое спасение Савелием самоубийца такими словечками, говоря при этом так, словно ум у него нетрезвый, может, он действительно нетрезвый, но кто его знает, кто вообще манифесты самоубийц понять может, или, судя по этому индивиду, перформанс, будто бы на публику играет вовсе?

— Не ваше дело, господин... Так скажем, безумный. Я лишь разузнать хочу у вас, чего вы так согрешили, что в петлю полезли? Вам действительно так нечего терять, или наоборот, слишком много у вас есть?

Циммерманнов достал свои бумаги, готовясь записывать все, что ему понадобится для очерка. Он сразу понял, что назревает потрясный материал для изучения. И вид он принял соответствующий, словно следователем на миг сделался.

— У-у меня всё нормально, малец, ты вообще ни черта не смыслишь обо мне, что ты тогда мне тут твердишь? Ну, воодушевляет, ну, мне скучно просто стало, вот представь: вокруг декаданс, страсти, романтика, я вешаться готовлюсь, ух-х какое вдохновение! Только, знаешь, мне страшно было, но одновременно и так любопытно, что там, в загробном мире, есть ли там то, чего я тут не видал, там ли живёт бесформенная нежить, там ли бесы в котлах грешников варят своими маслянистыми, окровавленными вилами, мешают их, как каких-то пельменей в кастрюле, а? И вообще, Низвергова никто не уважает, а тут какая-то мелочь пристаёт, что еще больше меня подстрекает, эх ма!

Низвергов говорил не с Савелием, он говорил с самим собой, а Циммерманнов был лишь поводом побыть подольше в этой своей святости и погрузиться в свои грешные грёзы, чтобы либо окончательно утвердиться в правильности своего решения, либо найти что-то второе.

— А коли ты себя грешником считаешь, товарищ Низвергов, чего тогда говоришь, что «все нормально» у тебя?

Все ли у тебя с головушкой в порядке, голубчик ты мой? Я тебя услышать хочу, не твой бред сатанинский. Пойми, ты — личность, каждый должен жить, а ты себя в котле видишь?

Савелий уже искренне начал переживать за жизнь этого мистера, он узнал его имя только что, но уже тогда в нем что-то ёкнуло, его сердце залилось той кровью, которую хотел отдать суицидник материи земной.

— Ладно, я тебя услышал. Я Аркадий, ну, или Аркаша, как меня матушка покойная звала, царствие ей небесное... (Низвергов перекрестился и окинул небосвод своим взором, чуть промедля, продолжил)... человек я действительно грешный, грешный сильно, у меня действительно все ненормально, я хотел лишь, чтобы ты отстал от меня поскорее, но уже извинительное отношение хочу к тебе принять, попривыкнуть, что-ль.

Савелий еще больше растрогался Аркадием, жестом ему указал на дом Елизаветы Амальевны, и они прошли в переднюю.

Двери все были распахнутые, так что им чести никто не давал, они сели на кухне, на фоне полной луны, единственного их источника освещения (наряду с керосиновой лампой, которую, однако, Савелий забыл, и она так и осталась на том пне и по сей день).

О чем говорили двое парней, которые глубоко жизнью измучились и хотели только утешения, можно только гадать, но доносились оттуда порой и дружеские возгласы, как с празднования, так и стоны о их бесконечном страдании и их высшем предназначении. Они даже про буддизм вспомнили, ну, не нам их судить, пусть рассуждают о чем хотят, в буддизме ведь тоже о страданиях говорится...

Савелий проснулся у себя дома, очень рано утром, кажется, часу к пятому, уже не имеющий понимания, как он доковылял до своего места жительства.

Только он вспомнил, что очерк тот он позабыл Дарине Немедиковой принести, на том и начал требовать.

«Ох, ну боже правый, чем эта писанина окаянная ей пригодилась, ах! Только попробую проверить, что я успел уже завершить и-и-и...»

Ох, замечательно, что я уже все разрешил, только вот я о имени маленько понаписывал, да и пусть, ей и так сгодится...

Хотя нет, почему сгодится? Она ведь, если будет недовольной, то мою работу не примет и тогда мне не станет лстить. Да и зачем мне эта лесь? Чего я за ней охотником сделался? Или мне нужна эта лесь, чтобы не свихнуться? Или этот ожог каждый раз, как я ее вижу? Да ладно, будь что будет, писанину ей потихоньку подам, да так, что сама не поймет, и все, и не будет ни лести, ни страдания!», думал Савелий Савельевич, ходя по своей квартире так, словно за каждое замечание своей медлительности он бы нагоняй получил, иначе почему он так стремительно, содрогаясь, мотался туда-сюда?

Циммерманнов начал делом себя тешить, к школе готовиться, или, как он смел выражаться, к «условиям тюремным».

Так и комбинаторикой размышлял, пока рюкзак собирал да одевался: «Условия тюремные, условия, тюремные, условия...», а другого он себе не позволял даже припомнить, настолько он человек ранимый даже перед собою родненьким.

Давайте вместе оценим, что думал Савелий в этот момент, но без оценочных суждений, у нас светское общество:

«Экстернализация является зверинцем под открытым небом.

Судьба не пропаща, она неизбежна.

Выше выши, ниже ниши.
Чрево сих идей.
Только не робей.
Истину не жалей.
Сезоны проболели.
Истина в карманах.
Околотки околели.
Кругом покатилося.
Бережёного не берегут.
Смех им на потеху.
Вести на потеху.
На ходу сотканные карманы.
Наспех разгадали правду.
Целиться лишь плашмя.
Никто не пропащий.
Вымученные пташки.
Бесящие бумажные бумажки.
Блестящие блестяшки.
Бошку раскурили мыслью плебея.
Политика не рассталась с человеческим фактором.
Поробрик разукрашен, кишками огорожен —
Стены расступились перед своим шматком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.